Вопросы соотношения власти и религиозных организаций в Российской Федерации

Казанцева Татьяна Алексеевна
Студентка РГУП, г. Нижний Новгород.
E-mail: farseer321989@gmail.com

Научный руководитель: **Треушников Илья Анатольевич**
Доктор философских наук, Профессор.
Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Отношения, которые существуют между государством и религией построены в существенной мере в деструктивной форме. По сути дела реализуется скрытое притеснение прав верующих с одновременным закрытием различных религиозных объединений. С другой стороны, не все объединения являются по-своему содержание соответствующими установленному порядку в обществе, и способны на опасные для него проявления. Равный диалог между властью и ограничение доступа к СМИ — это реальность современного устройства. Осуществляемая государством политика вступила в прямое противоречие с принципами права, которые были закреплены в Европейской конвенции, направленной на регулирование прав человека, его свобод, что довольно широко раскрыто в практике Европейского суда. Указанная ранее политика в полной мере проявляется на примере поддержки со стороны государства концепции, направленной на придание православной религии доминирующей роли, что по факту нарушает принцип равноправия.

Другие религиозные направления занимают неравное положение, если провести сравнение с православием. Получается, что политика государства подменена религиозной деятельности, реализуемой при помощи отношений между государством и религиозными объединениями

Идеологическая нейтральность государства является предварительным условием, являющимся важным для обеспечения свободы религии. Наиболее существенное, на что способно государство, которое придерживается определенной официальной идеологии — это терпимость в отношении различных образов мысли. Тем не менее, гарантия свободы практически отсутствует.

Отечественная практика констатирует фактическое отсутствие у власти нейтралитета в отношении вопросов религиозного характера. Современное государство сформировало ситуацию институционной вовлеченности, в частности РПЦ. Если говорить более детально, то православная религия приобрела поддержку со стороны государства. Это отражается как через внешние признаки, так и через прямое содействие РПЦ со стороны государства [1].

Попытки реализовать конституционный принцип равноправия граждан без влияния религиозных убеждений и их наличия либо отсутствия, а также принципа светскости государства были предприняты неоднократно. В самом начале 2000-х гг. в судебной практике наметилась тенденция к отстаиванию принципа отделения объединений религиозного типа от государства, а также их равенства перед законом. Современные решения судебных органов говорят о совершенно обратном процессе. РПЦ трансформировалась в целостный институт, политическую силу, играющую возрастающую роль в обществе. Основное и достаточно принципиальное расхождение состоит в том, что права человека не должны поддерживать взгляд на определенную религию лишь как на дело частного характера.

Основы заложенные в учении РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека, полностью

отрицают универсальность в рамках современных прав человека. Права не считаются выше ценностей, характерных для духовного мира. Таким образом, недопустимо и опасно истолкование прав человека в качестве высшего и универсального аспекта (основания) жизни общества, которому обязаны подчиняться практики и религиозные взгляды. В Основах также указано на тот факт, что слабость института современных прав человека заключается в том, что он, являясь защитником свободы выбора, все меньше учитывает нравственные формации жизни и свободу от греха [2].

Не исключая необходимость в нравственном измерении жизни, важно сказать о том, что главное в рассматриваемом институте прав человека совершенно не свобода выбора, а защита от произвола со стороны власти.

После введения новой редакции ст. 148 УК РФ, законодателем была изменена ст. 5.26 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Фактически, ужесточив административную ответственность, наступающую за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, законодатель создал новую проблемную ситуацию.

Дисбаланс в современных отношениях, существующих между властными органами, а также представителями институтов религии, наглядно проявляется в существующих взаимоотношениях с организациями, относящимися к мусульманской религии. Свобода вероисповедания не стала надежной основой для сплочения всего мусульманского сообщества. Таким образом, остался под вопросом проект легализации ислама.

Свободу религии нельзя интерпретировать узко, как это реализуется в России. Новые религии, а также религиозные меньшинства наделены правом на аналогичную защиту государства. Вмешательство со стороны государства в дела религиозных меньшинств формирует атмосферу, в которой религиозное преследование превращается в повседневную деятельность. Государство должно вмешиваться лишь в случаях, если имеют место нарушения общепринятых правил для поведения в обществе и лишь в отношении к конкретному индивиду, а не к религиозному объединению [3].

В современный период времени на территории Российской Федерации продолжает развиваться процесс формирования правовой политики, идущей вразрез с конституционными правовыми нормами и международными нормами права, регулирующими вопросы, связанные со свободой религии.

Следует подвергнуть критическому анализу существующую конфессиональную политику государства, которая обязана основываться на международных нормах о свободе религий для обеспечения равного и полного доступа, а также для равных возможностей в части осуществления права на свободу совести и свободу вероисповедания.

Ссылки

1. См.: Андреев К.М. Пределы охраны конституционного права на свободу вероисповедания и ее составного элемента — «религиозной тайны» // Конституционное и муниципальное право. 2014. N 9. С. 37 — 41.
2. См.: Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М.: Издательство Московской патриархии, 2010. С. 15.
3. См.: Андреева О.А. Этноконфессиональные конфликты и противоречия как следствие комплекса социальных проблем в полинациональных регионах // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. N 8. С. 9 — 13.